

Первые годы

Я родилась в Санкт-Петербурге, на Староневском проспекте в 1911 году в большом красивом доме № 147.

У нас пятикомнатная квартира с балконом на пятом этаже. Отец¹ — известный журналист, мать² — хозяйка гостеприимного дома. Нас три сестры³, я — средняя. В доме всегда шумно, многолюдно. Душой общества всегда был отец. Он — в центре всех событий, к нему тянулись все, кто его знал. У нас, детей, две отдельные детские комнаты и свой детский мир.

Мой отец, Л.М. Клячко (псевдоним Л. Львов), был одним из самых известных журналистов дореволюционной России. Его называли королем русских репортеров. Он обладал удивительным журналистским чутьем. Безошибочно определяя где сосредоточена наиболее важная информация, он проникал в тайные закоулки административного аппарата империи и делал достоянием гласности самое важное из того, что власти старались скрыть.

---

¹ Отец — Лев Моисеевич Клячко (1873, Вильна–1933, Москва), В 1889–1890 гг. служил в аптеке, потом занялся журналистикой, сотрудничал в либеральной, радикальной и еврейской прессе, пользовался псевдонимом Львов. К.И. Чуковский вспоминал о нем: «Я познакомился с ним в 1907 году, работая в лит. отделе газеты “Речь”... Так как по своей должности он часто интервьюировал министров, да и видел их ежедневно (в Думе и в министерствах), к нему всякий раз обращались десятки людей, чтобы он похлопотал о них. И он никогда не отказывал... Я однажды ночевал у него и был свидетелем того, как его квартиру с утра осаждают всякие “обремененные и трудающиеся” — и он каждый день от 9 до 11 принимал их всех, — и брался хлопотать обо всех. Причем был бескорыстен...» (Петр Градский, *Ехали медведи...*)

² Мать — Цецилия Григорьевна Клячко (Бакшт) (1885, Ошмяны–1968, Ленинград). В 1900 г. окончила Ковенскую женскую гимназию с дипломом домашней учительницы. В 1904 г. получила диплом Императорского Харьковского Университета по специальности помощника аптекаря.

³ три сестры — Анна (Володина) (1909–1939), Адель (1911–2005), Ирина (Дунаева) (1913–1996).

За это он неоднократно подвергался арестам, его пытались выселить из Петербурга, но безрезультатно — он был слишком известной фигурой. Некоторые из сюжетов его журналистской деятельности отражены в его книгах «За кулисами старого режима» и «Повести прошлого», ставших библиографическими редкостями.

Революция поломала журналистскую деятельность отца. Он не только остался не у дел, но и жизнь его, как у многих других, была под угрозой.

1917 год. Революция. В одночасье все перевернулось. Прежней жизни уже нет. Мама отказалась от гувернантки и кухарки.

1918 год. Голод, детей нечем кормить. Нас на время отправляют к родственникам: меня — к двоюродному дяде в Сиверскую¹ (у него своя аптека и корова, их еще не успели реквизируют), сестер — в Москву.

1919 год. Мы вернулись. Приспосабливаемся к жизни, но в городе неспокойно.

1920 год. Накануне декрета об отмене смертной казни (20 января 1920 года)² забрали видных интеллигентов, в том числе нашего отца. Все понимали, что они не вернуться. Мама кинулась к Алексею Максимовичу Горькому, умоляла помочь, зная, что он очень ценил отца как талантливого журналиста. Горький помог. Отца вычеркнули из списка. Утром, когда мама бежала на Шпалерную³, ей уже навстречу бежали женщины и кричали: «Жив, жив».

---

¹ *Сиверская* — деревня, примерно в 50 км на юг от Санкт-Петербурга.

² На самом деле, этот декрет лишь отрегулировал правила применения смертной казни. Смертная казнь в Советском Союзе была отменена лишь в конце 40-х годов, но вскоре восстановлена. Однако, перед вступлением декрета в силу местные власти усиленно избавлялись от «неудобных» людей.

³ Улица, на которой находилась Петербургская тюрьма. Поскольку российские и советские тюрьмы названий не имели, то названием тюрьмы становилось название улицы (Бутырка), а то и целого района (Кресты, Лефортово).

Цецилия и Лев Клячко

Адель Клячко, 1945 год

Воспоминания о «Радуге»

Последним этапом в жизни моего отца — журналиста Л.М. Клячко-Львова — было издательство «Радуга» — первое в стране издательство детских книг.¹ Для организации «Радуги» у него не было ни денег, ни штата, ни помещения. Было только большое желание выпускать хорошие детские книжки, и он этого добился.

В начале 20-х годов мы переехали в большую квартиру на улице Жуковского, 18; часть квартиры отдали под редакцию. Мое детство и юность, как и двух моих сестер, прошло в тесном общении с целым рядом замечательных писателей и художников XX века.

Теперь, спустя десятки лет, мне не верится, что моя юность прошла в окружении таких писателей, как К. Чуковский, С. Маршак, В. Бианки, Е. Шварц, В. Инбер, А. Барто, С. Чехонин, и многих других, а также таких известных художников, как Ю. Анненков, В. Лебедев, М. Добужинский, В. Конашевич, Б. Кустодиев, П. Бучкин и другие. Особенно часто бывали Чуковский и Маршак. В доме всегда было много детей, и свои произведения они любили сперва читать нам, детям. Отец объединил вокруг себя лучших писателей

---

¹ И.Е. Баренбаум пишет: В конце 1922 г. в Петрограде появилось первое советское детское издательство «Радуга». Оно было основано известным до революции, радикально настроенным журналистом, прозванным «королем репортеров», Л.М. Клячко. Первые книги с маркой «Радуга» вышли в 1922 г. Здесь впервые увидели свет многие произведения С.Я. Маршака («Пожар», «Чудеса», «Загадки», «Книжка про книжку», «Вчера и сегодня») и К.И. Чуковского («Бармалей», «Мойдодыр», «Тараканище»). В «Радуге» дебютировал Виталий Бианки. За восемь лет существования, с 1923 по 1930 г., «Радуга» выпустила около 400 книг для детей. Их отличает высокий уровень оформления. Книги иллюстрировали В.В. Лебедев, С.В. Чехонин, М.В. Добужинский, Б.М. Кустодиев, К.С. Петров-Водкин, Е.С. Крушликова, Ю.П. Анненков, В.М. Конашевич и др. Главным художником издательства был Владимир Лебедев. Всё это содействовало успеху издательства. В 1925 г. на Всемирной художественно-декоративной выставке в Париже издательству «Радуга» была присуждена медаль за оформление книг. (И.Е. Баренбаум, История книги, М., 1984)

и художников, и с 1922 г. книжки «Радуги» стали выходить в свет.

Материальных благ сотрудники «Радуги» не имели, но главным в коллективе был дух творчества, и вдохновлял всех наш отец. Его не только уважали, но и очень любили.

Редакция находилась в нашей квартире, сначала на Жуковской, 18, потом на Стремянной, 14, а в последние годы размещалась внутри Гостиного Двора с филиалом в Москве на Петровке, 20. Чаще других в нашей квартире раздавался звучный неповторимый голос Корнея Ивановича. Не было случая, чтобы, придя в редакцию, он не зашел к нам, детям. Он очень любил читать нам свои произведения, а слушателей у нас в доме всегда было немало. Мы учились в бывшем Тенишевском училище, о котором я еще скажу ниже. Там же учились дети Чуковского — Николай, Лида, Боба и рано ушедшая из жизни Мурочка. У нас был открытый дом, и после уроков у нас собирались товарищи из разных классов. Корней Иванович читал, потом, слегка прищурившись, спрашивал: «Ну, как?». А мы хором кричали: «Корней Иванович, еще раз!». Читал нам стихи и Самуил Яковлевич Маршак. Он читал приглушенно, напевно, с большим вдохновением, и радовался, когда его стихи сразу повторяли хором.

Интересно принимались книги в «Радуге» для публикации. Отец никогда не откладывал рукописи в дальний ящик, а говорил: «Садитесь, читайте». Закрывал глаза и слушал. Потом коротко говорил: «Беру» или «Не беру». Все рисунки он тоже принимал сам и, видимо, разбирался неплохо, так как теперь, спустя пятьдесят с лишним лет, книжки «Радуги» переиздаются под рубрикой «Из серии лучших советских детских книг», и на прилавках эти книжки не залеживаются.

Несмотря на высокое качество выпускаемых «Радугой» книг, материальное положение сотрудников «Радуги» в то время было не слишком радужным. Денег в редакции почти никогда не было, гонорары выплачивались нерегулярно и в очень малых суммах, задолжен-

ность была большая, так как книги в то время сбыта не имели. И это не случайно. Двадцатые годы были периодом становления, перед страной стояло много сложных задач и проблем, людям было не до книг, но, несмотря на финансовые трудности, никто не унывал, не роптал. Творческий дух преобладал над бытовыми неурядицами. Каждая новая книжка была праздником. Настроение у людей было бодрым, подшучивали друг над другом. Я помню, сколько смеха было вокруг старых галош Маршака с его неизменными инициалами.¹ А какое радостное оживление царило, когда наша кухарка Татьяна выносила бутерброды с колбасой и сыром!

Нужно сказать, что вдохновителем творческого настроения был наш отец. Оптимист и жизнелюб по натуре, он никогда не падал духом и вселял бодрость в других. В двадцатые годы его неоднократно сажали, но даже в тюрьме его не покидало чувство юмора. Мне запомнилась полученная от него открытка:

«Из тюрьмы, из лазарета
Шлю горячих три привета
Милым, славным, дорогим
Дочерям родным моим.
Не тужите мои дети,
Что в тюремном лазарете
Ваш отец сидит вдали
От родной своей семьи,
Но ведь это же не вечно,
Вместе будем мы конечно,
А пока вам шлю «сонет»
Хоть я вовсе не поэт
Даже и не дилетант —
Я всего лишь арестант».

---

¹ Галоши было принято снимать в прихожей, и входить в помещение в ботинках. Когда гости расходились, то галоши часто пугались, поэтому многие подписывали свои галоши инициалами.

Его не только уважали, но и искренне любили. Помню, как-то раз мы писали письмо нашей матери, находившейся где-то на курорте. Зашел в это время Самуил Яковлевич, тут же взял перо и написал:

«Влюблен в мечту туманную
И в алкоголь весьма,
Зашел я на Стремянную
Уже в конце письма.
Звучит чудесно лира,
И весел мой напев.
Здесь Ньюра, Ада, Ира,
И сам хозяин Лев.
И озаренный светом
Прославленной семьи,
С поклоном и приветом
Вам шлю свои стихи».

Остальные строчки не помню, но эти запомнились, в них как-то особенно чувствуется теплота и привязанность к нашей семье.

Школа

Одновременно с созданием «Радуги», произошло еще одно событие: я и сестры поступили в Тенишевское училище, именуемое 15-й советской школой. Но это была не просто школа, а гимназия, сохранившая все традиции знаменитого училища. Там был педагогический состав высшего уровня; большинство преподавателей имели ученую степень. По учебнику профессора П.А. Знаменского в школах учили физику, а профессора В.Н. Верновского — химию. Ученики были разных сословий и национальностей, но этого никто не замечал. Был единый, спаянный дружбой коллектив, и память об этом сохранилась навсегда. Вместе с нами учились все дети Чуковского, с семьей которого мы очень дружили. Раньше нас окончил

Тенишевское училище В.В. Набоков. Прошло семьдесят лет после окончания школы, но я помню всех преподавателей, швейцара Федора в ливрее, и весь свой класс по алфавиту. После войны мы собрали из нашего класса 22 человека из Ленинграда и пять человек из Москвы. Периодически мы продолжали встречаться и дальше, чаще всего у нас дома. Передать теплоту и радость наших встреч невозможно, и это дала нам школа. Сейчас нас осталось только двое, и писать об этом тяжело.

Конец «Радуги»

Но вот окончился 1929 год. Конец НЭПа, конец «Радуги»¹. Распался творческий коллектив замечательных писателей, художников, сотрудников издательства.

Прошло много лет. Я уже четырежды бабушка, дважды прабабушка. Всё в прошлом, но жизнь «Радуги» во главе с отцом до сих пор перед глазами. Такое не забывается.

Родители, продав часть мебели, переехали в Москву, где снимали маленькую комнату. Папа начал писать мемуары, его приняли в Союз Писателей, но материально они жили очень тяжело. Отец умер в Москве, в ноябре 1933 года, немного не дожив до 60 лет.

После отъезда родителей старшая сестра Нюра² взяла подушку и одеяло и «пошла замуж» за своего сокурсника в его 10-метровую комнату. Я и младшая сестра Ирина остались одни, без образования, без средств к существованию, без дров, без керосина и еще без мно-

---

¹ Издательство «Радуга» было закрыто в 1930 году по распоряжению Наркомпроса как *аполитичное и далёкое от современности*. (Евгений Шварц, *О Самуиле Маршале*).

² По окончании Тенишевского училища Нюра (Анна) работала учительницей начальных классов. В 1939 г. заразилась скарлатиной от одного из учеников. В то время скарлатина плохо излечивалась, и Нюра ушла из жизни.

гих «без». Квартиру заселяли, кому-то понадобилась наша комната, и из большой родительской квартиры нас переселили в коммуналку на Петроградской стороне. Сопротивляться мы не умели.

Оставшись одни, мы духом не пали. Понимали, что пробиваться в жизни нужно самим. Ирина устроилась ученицей намотчицы моторов на завод «Красная Заря»¹, где проработала до ухода на пенсию и выросла до видного руководителя производства. Умная, талантливая, энергичная, она пользовалась любовью всех, кто ее знал. Она ушла из жизни три года тому назад, оставив мне неизлечимую рану на сердце.

Первая стройка

Я устроилась табельщицей на стройку школы-ФЗУ² «Союзверфи»³, которая находилась на берегу Невы, недалеко от Площади Труда. Но я не ограничилась только этой работой. Меня заинтересовал сам процесс строительства, и я стала вникать в то, что происходило у меня на глазах. Проектировал и осуществлял авторский надзор известный архитектор-строитель Сергей Иванович Катонин. Он обратил на меня внимание и предложил научить меня чтению чертежей и основам строительной науки.

Я увлеклась так, что после работы оставалась до позднего вечера, изучая конструктивные элементы здания. Через несколько месяцев я уже была во главе стройки, ко мне обращались десятники, бригадиры, мастера; а прораб, человек пассивный, оказался в тени, и был рад что его мало беспокоили. Я всей душой полюбила свою

---

¹ Завод «Красная Заря» – старейший электромеханический завод С.-Петербурга.

² ФЗУ – фабрично-заводское училище.

³ «Союзверфь» – Всесоюзное объединение заводов судостроительной промышленности.

работу, влилась в коллектив, но бывали и огорчения: меня не приняли в профсоюз, так как я была дочерью «лишенца»¹. Паспорт мне выдали только в 1933 году, когда Сталин объявил что дети за отцов не отвечают.

Апрель 1931 года. Сергей Иванович рекомендовал меня на самостоятельную работу на Макаронную фабрику, где проводились капитальные работы по расширению и реконструкции предприятия. Это был новый этап в моей жизни. Надо было научиться не только строить, но и общаться с вышестоящими организациями, с промбанком, с подрядчиками, добиваться финансирования в Москве. Я полностью отдавалась работе и быстро завоевала авторитет и симпатию коллектива. К тому времени у меня уже были две дочери, и из 16-метровой комнаты при помощи руководства фабрики мы переехали в 30-метровую комнату на Пушкинской улице.

Начало войны

Когда началась война, мне было тридцать лет, а сейчас девяносто. Воспоминаний столько, что не помещается в голове. Я тогда работала начальником строительного отдела Макаронной фабрики.

22 июня 1941 года. Я была на Невском, когда по рупору услышала незабываемый голос Ю. Левитана. Война с Германией. Я побежала домой, дала кое-какие распоряжения, и — бегом на фабрику. Туда уже стекались люди. Мирная жизнь кончилась. У всех — одна мысль, одно желание — спасти страну. У меня новые задачи: траншеи, бомбоубежища, укрепления отдельных объектов. Домой приходила к ночи.

---

¹ *Лишенцы* — лишённые гражданских прав бывшие члены дворянских и купеческих сословий. Факт «лишения» помогает понять таинственный отъезд родителей в Москву. Возможно, они пытались избежать социального клейма и потери статуса.

Вдруг, в середине июля 1941 года, приказ — эвакуировать детей из Ленинграда в Псковскую или Новгородскую область. С детьми нашей фабрики должны поехать несколько матерей и часть персонала детсада. Для меня это было ударом. Одной дочери — два года восемь месяцев, другой — шесть с половиной лет. Что их ждет? Сопротивляться я не могла, по мне равнялись другие. На сборы дали два дня.

Наскоро, как в тумане, собрала необходимые вещи, и вот мы на станции. Подан состав. Нам выделили товарный вагон, положили на пол вещи, на вещи посадили детей. Стояли долго, я все надеялась что состав не пойдет. Вдруг поезд «вздрогнул» и медленно пошел. Грохот колес заглушал плач детей и мы, сдерживая слезы, бежали за вагоном пока он не скрылся из поля зрения. Я пришла домой, посмотрела на пустые кровати, и только тогда дошло до моего сознания — что я надедала, как могла отправить детей, не зная что их ждет, вернуться ли они... На другой день стало известно, что дети находятся в Пестово.¹

Жить спокойно я уже не могла. Прошло несколько дней, и вдруг толчок в сердце — детей надо забирать. Я — к директору. Он колеблется: не было указания свыше. Но всё же решился, и вечером я уже на станции Пестово.

Добиралась воинским эшелоном. В Пестово, в эвакуационном пункте я узнала, что наши дети в школе одного колхоза в 22 км от станции, там же мне объяснили как идти. До школы добралась к пяти утра, когда дети спали. От увиденного я пришла в ужас! Дети спят прямо на полу, условия антисанитарные, у многих начались поносы, лекарств не хватает, медперсонал падает с ног, с питанием и водой плохо.

---

¹ Пестово — в Новгородской обл., 300 км на юго-восток от С.Пб.

Рано утром я собралась на станцию, младшая дочь вцепилась в меня, плачет, умоляет взять с собой, но я не могла этого сделать, ведь все дети рвались домой. Поспешила обратно в Ленинград, сразу на фабрику, доложила обстановку... и на другой день в Пестово были отправлены еще несколько матерей с медикаментами, продуктами, сколько смогли унести в руках.

Прошло еще немного времени, и вдруг ночью я опять почувствовала резкий толчок. Опять к директору, он тоже в тревоге, и я на вокзал. В Пестово добралась поздно вечером и снова впереди путь в 22 километра. Шла ночью, страха не было, желание как можно скорее увезти детей домой придавало силы. Добралась до школы, разбудила персонал, послала в колхоз за транспортом. Разбудили детей, погрузили их на подводы, и когда мы прибыли на станцию, туда уже поступали толпы детей: как оказалось, сразу после моего отъезда пришло распоряжение всем предприятиям немедленно забирать детей. Немцы были рядом и уже бомбили дорогу. Когда подали товарный состав, мы на ходу «атаковали» одну «тепушку», затолкали туда детей и молили Бога, чтобы не попали под бомбежку. Я втиснулась последняя. Ноги подкашивались, стояла всю дорогу и молила Бога — только бы проскочили. Мы проехали благополучно, а следующая состав уже разбомбили.

Отправка детей из Ленинграда была ошибкой. Я дала себе слово больше никогда с детьми не расставаться и не покидать свой город при любых условиях. Но этому не суждено было сбыться.

Эвакуация

Прошло около двух недель. Я успешно работаю, дети дома, муж в ополчении. Но вдруг 15 августа новый удар: меня вызывает директор — немцы совсем близко, приказ эвакуировать женщин и детей. Я в слёзы, но всё

бесполезно, мы должны ехать в Сибирь. Меня назначают старшей, на сборы два дня, отправка 17 августа с эшелоном завода «Электросила».¹

Для меня это было ударом. Уехать из города, где я родилась, оставить предприятие в такой трудный момент, расстаться с близкими людьми и ехать неизвестно куда, не зная вернемся ли домой — всё это было уму непостижимо.

Но вот настало 17 августа, за нами пришла машина. Последний взгляд на свою комнату, сбор во дворе фабрики. По списку проверяю, все ли прибыли. Нас — 155 человек, в том числе около 90 детей. И вот, мы на станции. Для нас два последних товарных вагона.² Погрузились. Состав стоит очень долго. Настал комендантский час.³ Провожающие, у кого не было пропусков, ушли. Неожиданно поезд трогается. Я последняя вскакиваю в вагон. Сердце разрывается, слезы душат. Прощай, любимый город. Впереди Сибирь, новый этап в жизни. Каким он будет, вернемся ли домой? Этого не знал никто.

Мы ехали две недели. Мозг сверлила одна мысль: надо отцепиться от «Электросилы» и осесть где лучше. Я выбегала на всех остановках, присматривалась, разговаривала с людьми, ничего не привлекало. Но вот остановка в Новосибирске. Я увидела прекрасный вокзал, и у меня замерла душа — мы должны остаться здесь. Пришла в эвакопункт, умолила устроить нас поблизости от города. Начальник эвакопункта позвонил директору Обского совхоза, и тот согласился нас принять. Наши два вагона отцепили, а утром за нами приехал замдиректора совхоза.

---

¹ завод «Электросила» — завод электрических генераторов и турбин.

² Для сравнения: в пассажирском вагоне комфортабельно едет 36 человек, тесно — 54, а товарный вагон меньше пассажирского.

³ комендантский час — время, после которого нельзя находиться вне помещения. *Curfew.*